

Научная статья / Research Article

УДК 316.654:616.89

DOI:10.14258/SSI(2022)3-10

Общественное мнение о психическом здоровье (на примере Вологодской области)

Елена Олеговна Смолева

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
riolenas@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6452-1441>

Аннотация. Актуальность работы вызвана ростом бремени психического нездоровья в ситуации пандемии COVID-19 и преобладанием настороженных настроений населения региона в отношении помощи специалистов. Цель работы — изучение общественного мнения о проблемах психического нездоровья и грамотности населения в области психического здоровья. Метод — социологический опрос населения Вологодской области (выборка квотная, N = 1500). В результате исследования выявлены следующие установки жителей области: отсутствие у большинства интереса к информации о психическом здоровье; консервативность в выборе источников информации; негативные стереотипы в отношении людей с психическим расстройством. Выделены также территориальные аспекты общественного мнения о психическом здоровье. Сделан вывод, что на грамотность по вопросам психического здоровья и установки в отношении людей с расстройствами психики влияет наличие опыта взаимодействия / близкого общения с душевнобольными людьми.

Ключевые слова: общественное мнение, психическое здоровье, грамотность в области психического здоровья, социальные установки населения

Финансирование: статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0013.

Для цитирования: Смолева Е.О. Общественное мнение о психическом здоровье (на примере Вологодской области) // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 3. С. 156–171. doi: 10.14258/ssi(2022)3-10.

Public Opinion Towards Mental Health (the Case of the Vologda Region)

Elena O. Smoleva

Vologda Research Center of Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
riolenas@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6452-1441>

Abstract. The relevance of the work is caused by the socio-economic consequences of mental illness, the growing psychological distress of the region's population in the situation of the COVID-19 pandemic, and the prevalence of alert sentiments regarding the assistance of specialists. Improving health literacy has a positive effect on behavior related to seeking help for psychiatric symptoms and communication with healthcare practitioners. The purpose of this work is to study public opinion about the problems of mental illness and literacy of the population in the field of mental health. The method is a sociological survey of the population of the Vologda Oblast (quota sample, N = 1500). The study revealed the attitudes of the region's residents in relation to mental illness: lack of interest in the majority of information about mental health; conservatism in the choice of information sources; negative stereotypes in relation to people with mental disorders: the need for their exclusion; stereotypes regarding the lifestyle and treatment of people with mental disorders. The residents of the region have a small potential request for information materials on the forms and manifestations of depressive and anxiety disorders, borderline personality disorder, dementia; information on eating disorders is least in demand. It is concluded that the current situation requires a more attentive attitude to educational programs for the population of the region on the issues of mental health and ill health.

Keywords: public opinion, mental health, mental health literacy, stereotypes

Financial Support: The article was prepared in accordance with the state task for the Federal State Budgetary Institution of Science of the VolRC RAS on the topic of research No. FMGZ-2022-0013

For citation: Smoleva, E.O. (2022). Public Attitudes Towards Mental Health (the Case of the Vologda Region). *Society and Security Insights*, 5(1), 156–171. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)3-10.

Когда обращаются к теме психического здоровья или нездоровья, закономерно возникают вопросы: где проходит граница между ними, насколько распространено и разрушительно для человека и общества психическое нездоровье, чем вызваны нарушения психики? И достаточно часто изучение общественного мнения по вопросам здоровья разворачивается в сторону болезни, поиска ее причин и эффективного лечения, что соответствует медицинской модели здоровья. Так, не отрицая важности профилактики и укрепления психического здоровья, национальные программы в области здравоохранения направлены в первую очередь на предотвращение психических расстройств, оказание специализированной помощи в целях снижения заболеваемости и смертности лиц с психическими расстройствами (Драпкина и др., 2019).

Статистические данные говорят о высокой распространенности психических и поведенческих расстройств. Отечественные психиатры отмечают рост пограничных расстройств, обусловленный стрессогенным характером жизни современного человека¹. По официальным данным в России за специализированной консультативно-лечебной помощью обращается в среднем 380 тыс. человек ежегодно (Здравоохранение в России, 2019: 44). Опросы общественного мнения свидетельствуют о преобладании среди россиян настороженных настроений в отношении помощи специалистов. По данным ВЦИОМ у 56% населения в 2020 г., когда СМИ муссировали тему психического нездоровья, не возникло потребности получить психологическую поддержку². Эксперты видят основную причину нежелания обращаться за профессиональной помощью в стигматизирующем характере общественного мнения³.

Рост психического неблагополучия в связи с пандемией и дистанцирование населения от проблемы психического нездоровья, наблюдаемые в российском обществе, и преобладание научных работ обзорного характера (Шматова, 2021) обуславливают актуальность исследования отношения населения к психическому здоровью.

Обзор исследований отношения населения к психическому здоровью

В широкой тематике отношения населения к психическому здоровью выделяются три основных направления исследований: отношение общественности к людям с психическими заболеваниями, соотношение представлений населения и теорий психического заболевания об этиологии и лечении, грамотность в области психического здоровья (Furnham, Swami, 2018).

По первому направлению результаты исследований объясняют процессы стигматизации людей с расстройствами психики, помогают понять нежелание их или родственников обращаться за помощью к специалистам. Концептуальную основу составляют теория навешивания ярлыков и ее модификации, теория стереотипов и стигматизации, социальной эксклюзии. Позитивное отношение к людям с психическими расстройствами включает в себя понимание и эмпатию, что сопровождается снижением дискриминации, уменьшением социальной дистанции и ростом инклюзивных практик (Caruana, Cotton, Farhall, 2017; Tan et al., 2020; Samari et al., 2022). Разработан специальный инструментарий для исследования стигматизирующих общественных предубеждений (Corrigan, 2004), в том числе стигмы депрессии (Voerema et al., 2016), генерализованной тревожности (Griffiths et al., 2011). Есть данные, что поддерживающиеся в обществе стигматизирующие

¹ Психиатр Аркадий Шмилович о душевном здоровье россиян: интервью Дарьи Благовой. <https://daily.afisha.ru/relationship/4361-chtoby-ostavatsya-psiicheski-zdorovym-nado-byt-tolerantnym-chelovekom/>

² Психологи среди нас: аналитический обзор. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/psikhologi-sredi-nas-2020>

³ Краснопольская И. Как не сойти с ума: интервью с главным психиатром Москвы, профессором, доктором медицинских наук Георгием Костоком. <https://rg.ru/2019/11/14/pochemu-rossiiane-opasaiutsia-obrashchatsia-k-psihiatram.html>

предубеждения приводят к самостигматизации людей с психическими заболеваниями (Corrigan, 2004: 618).

Во второе направление включены работы, определяющие поддержку населением биологических, психологических или социологических концепций причин болезней психики и связанных с ними методов лечения (Hansson, Chotai, Bodlund, 2010), различия во мнениях простого населения и специалистов относительно болезней (Angermeyer, Dietrich, 2006). Согласно исследованиям, общественность предпочитает психосоциальные объяснения биологическим и выделяет ситуации стресса как основной фактор психических расстройств (Hansson, Chotai, Bodlund, 2010).

Третье направление касается исследований грамотности по вопросам психического здоровья преимущественно в виде социологических опросов с представлением стимульного материала в виде виньеток (описания) гипотетических ситуаций людей, страдающих психическими заболеваниями (Furnham, Swami, 2018). Грамотность в области психического здоровья пересекается с грамотностью в вопросах здоровья, но имеются нюансы: люди более осведомлены о физическом, чем о психическом здоровье (Jorm et al., 1997; Wickstead, Furnham, 2017). Становится уже традиционной практика самостоятельного поиска информации в интернете перед обращением к врачу, однако пользователи не обращаются напрямую к специализированным сайтам о психическом здоровье по причинам недостаточной осведомленности о существующих ресурсах или несоответствия их потребностям пользователей, а предпочитают запросы в Google (Wetterlin et al., 2014). Недостаточность знаний о психическом здоровье создает барьеры для лечения (Goldney et al., 2005), в частности негативно влияет на обращаемость за помощью при симптомах расстройства психики и затрудняет общение с практикующими врачами (Wright et al., 2007).

Как видим, исследователи обращаются преимущественно к медицинской модели здоровья, рассматривая последнее через отсутствие болезни, поэтому даже грамотность по вопросам психического здоровья определяют через знания о болезнях. Доминирование медицинского подхода и отсутствие общей концепции укрепления психического здоровья привело к тому, что эмпирические исследования поддержки хорошего психического здоровья или укрепления психического здоровья менее представлены, чем профилактики психических расстройств (Arango et al., 2018).

Дизайн исследования

Основную цель исследования мы разбили на две подцели. Первая — это определение психического самочувствия населения области, которое обуславливает актуальность знаний о психическом нездоровье. Далее — исследование убеждений и знаний населения Вологодской области в указанной сфере. Изучение общественного мнения жителей области по вопросам психического здоровья/нездоровья должно было подтвердить или опровергнуть выдвинутые гипотезы:

1. Запрос на знания в области психического здоровья/нездоровья и оказание специализированной помощи незначительны.
2. Даже увеличение нагрузки на психическое здоровье в виде стрессогенного характера ситуации пандемии не сопровождается стремлением жителей области обратиться за поддержкой к специалистам.
3. Население региона демонстрирует консервативные установки в отношении психического неблагополучия, проявляются стигматизирующие предубеждения.

В качестве метода использован социологический опрос населения Вологодской области, проведенный Вологодским научным центром РАН¹. При определении самочувствия населения Вологодской области мы использовали скрининговую шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера, вопрос «Оцените, пожалуйста, насколько Вы счастливы?» (10-балльная шкала). Для определения симптомов тревоги, депрессии, невроза и степени их проявления используются валидизированные методики экспресс-диагностики невроза К. Хека и Х. Хесса и госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS, зарекомендовавшие себя при проведении крупных эпидемиологических исследований, целью которых является скрининг расстройств. Почему мы использовали эпидемиологический инструментарий? Потому что:

- не разработан социологический инструментарий;
- выбранные методики фиксируют только симптоматику расстройств, по ним не ставятся диагнозы. Поэтому в первой части работы мы будем вести разговор о нарушениях психического здоровья депрессивного или тревожного типа.

Техническая обработка информации произведена в программе SPSS. Сравнение двух выборок проводилось с использованием критерия U Манна — Уитни (Mann-Whitney U test), трех выборок — критерия Н Краскелла — Уоллеса (Kruskal-Wallis H Test).

Результаты

В 2021 г. по сравнению с 2018 г. произошло ухудшение психического самочувствия населения региона: снизилась доля людей, которые отмечают свое прекрасное настроение или ровное состояние, с 73% до 59% при одновременном росте удельного веса жителей, испытывающих напряжение, раздражение, страх и тоску, с 21% до 31% (рис. 1). У населения области ощутимо уменьшилась удов-

¹ Характеристики социологического опроса: модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени; объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов в возрасте старше 18 лет; метод: анкетирование; процедура случайного систематического отбора.

Районирование осуществлялось по избирательным округам. При выборе районов учитывалось их географическое положение (представленность районов в разрезе север — юг, запад — восток, удаленность от областного центра), социально-экономическое положение (представленность районов с различным уровнем развития). Были выделены два города (Вологда и Череповец) и восемь районов (Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский). Квоты задавались по соотношению городского и сельского населения, по полу и возрасту. Установлены следующие возрастные границы: до 30 лет; от 30 до 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин; старше 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин. Ошибка выборки не превышает 3%. Разрабатывался авторский вариант анкеты.

летворенность жизнью (с 7,4 до 6,9 балла). Заметного изменения уровня счастья по региону не наблюдается. Негативные тенденции психического самочувствия более характерны для жителей крупных городов (Вологды и Череповца).

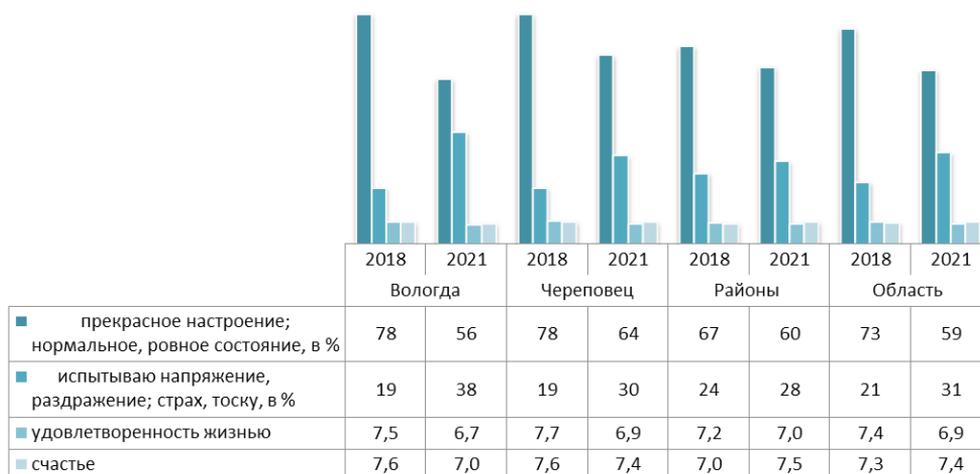

Рисунок 1 — Самооценки психического самочувствия населения Вологодской области, %

Figure 1 — Self-assessments of the mental well-being of the Vologda Oblast population, %

В 2021 г. повышенная тревожность и симптоматика депрессии или невроза присутствует практически у половины жителей Вологодской области (48%), при этом у 8% жителей симптоматика проявляется на клиническом уровне. Чаще самооценки психического состояния сигнализируют о наличии нарушений депрессивного типа (38% респондентов) или повышенной тревожности (32%). Выявлены положительные корреляции симптомов депрессии и тревоги ($r = 0,659$ при $p \leq 0,01$). Начиная с 2015 г. в регионе наблюдается рост субъективных оценок нарушений психического здоровья с 36% до 48%, в т.ч. депрессивного характера с 25% до 38% и тревожности — с 23% до 32%.

По мнению респондентов, жизнь населения региона по сравнению с 2018 г. стала более наполненной ситуациями стресса¹. Доля жителей, часто испытывающих стресс (практически ежедневно или несколько раз в неделю), возросла с 12% до 19% (рис. 2). Напротив, удельный вес респондентов, которые уверены, что не испытывали стресс, снизилась с 24% до 19%. В большей степени последствия пандемии 2019–2020 гг. сказалась на восприятии жителей г. Вологды, так как удельный вес респондентов, заявляющих о наличии практически ежедневного стресса в их жизни, вырос почти в два раза (с 12% до 23%). В районах также больше жителей стало сталкиваться со стрессовыми ситуациями (15% респон-

¹ Оценивалась по ответам на вопрос: «Как часто вы за последний год испытывали ситуации стресса?». Анкетирование — февраль 2021 г.

дентов против 9% в 2018 г.), при этом доля жителей, кто не подвергается стрессу, уменьшилась с 37% до 28%. Таким образом, можем сделать вывод, что население региона в ситуации пандемии чаще испытывало стресс.

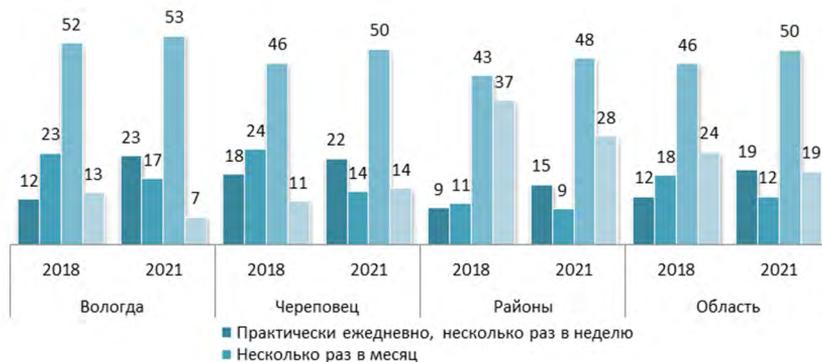

Рисунок 2 — Субъективные оценки наличия в жизни ситуации стресса, %

Figure 2 — Subjective assessments of the presence of a stress situation in life, %.

Практически каждый четвертый житель области (23%) отмечал, что в течение 2020 г. столкнулся с повышением уровня тревоги, беспокойства и/или появлением симптомов депрессии. Но даже в ситуациях стресса и при наличии проблем психологического характера население региона не считает проблемой недоступность профессиональной психологической помощи (только 6% отметили как проблему). Потенциальную готовность обратиться к специалисту при наличии проявлений психического нездоровья традиционно выражают только 32–36% опрошенных¹.

Итак, какими знаниями о психическом нездоровье обладает население региона и стремится ли оно их расширить? Влияет ли на отношение к психическому нездоровью общение с близкими людьми с диагнозом «психическое расстройство»?

У большинства опрошиваемых (71%) отсутствует опыт общения и ухода за гражданами, страдающими психическим расстройством. Незначительная доля жителей отмечает, что у них есть подобный опыт: 6% отмечают наличие положительного опыта и 7% — отрицательного. Еще 16% респондентов сообщают, что подобный опыт имеется у их знакомых. Следовательно, мы можем сделать вывод, что только небольшая доля населения региона тесно сталкивается с людьми, имеющими расстройство психики, однако в целом по области 29% населения сталкивались ситуацией, когда у них самих или в их окружении был востребован опыт общения и ухода за гражданами, страдающими психическим расстройством.

Меньше одной трети жителей области (30%) ничего не слышали о различных видах психических расстройств. В городах Вологде и Череповце люди обладают

¹ По данным мониторингов общественного психического здоровья ВолНЦ РАН за период 2010–2020 гг.

большей информацией о психическом нездоровье: не слышали о болезнях психики 18% и 21% соответственно, в районах эта цифра достигает 41%. Чаще всего респонденты сталкиваются с информацией о шизофрении (91%), депрессивном расстройстве (77%), пограничном расстройстве личности (70%) и биполярном расстройстве (68%).

Среди населения области знаниями о формах и проявлениях психических расстройств обладают 22% респондентов (рис. 3). Среди жителей Вологды эта цифра достигает 35%; Череповца — 19%, в районах — 16% (данные по Вологде статистически различаются на уровне $p < 0,001$). Большинство населения (68% жителей региона) не обладают знаниями о заболеваниях психики и не интересуются подобной информацией. Цифры немного различаются по территориям: от 56% по г. Вологде до 74% в районах. Каждый десятый житель региона (10%) не знает о проявлениях психического нездоровья, но хотел бы узнать, т.е. потенциальный запрос на получение информации такого рода достаточно низок.

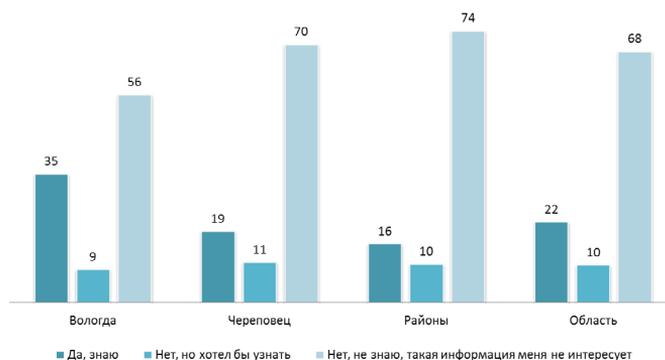

Рисунок 3 — Наличие знаний у населения в разрезе территорий, %.

Figure 3 — Availability of knowledge among the population by territories, %.

Закономерно, что население, которое прямо или косвенно столкнулось с проблемами психических расстройств у близких людей, более информировано в этой области. Так, заявляют о наличии знаний о формах и проявлениях психических расстройств 65% респондентов, чьи близкие столкнулись с этой проблемой (рис. 4). Это в 1,75 раза больше, чем среди респондентов, имеющих знакомых с опытом общения и ухода за людьми, страдающими расстройствами психики (37%), и в 6 раз больше, чем среди респондентов, не имеющих подобного опыта. Выявлен запрос на получение знаний в области психического здоровья у каждого шестого (17%) среди лиц, имеющих личный опыт ухода, и каждого десятого (11%) среди лиц, не имеющих подобного опыта или наслышанных об опыте общения от своих знакомых. Различия между группами значимы на уровне $p < 0,01$.

В качестве основных источников информации о психическом здоровье жители области называют консультации специалистов на приеме в учреждениях

здравоохранения (40–42%) и материалы, размещенные на сайтах этих учреждений (37%). Онлайн-источники информации в виде личных блогов специалистов в области психического здоровья и обсуждений в сообществах по интересам в социальных сетях менее востребованы (19% и 11% соответственно). На способы получения информации, возможно, влияет территориальный цифровой разрыв: жители районов более ограничены в доступе к Интернету, в том числе и поэтому они реже выделяют онлайн-источники информации: 24–29% по сравнению с 50% жителей г. Череповца, пользующихся информацией, размещенной на сайтах государственных учреждений здравоохранения. Также население районов и г. Вологды недостаточно доверяет или затрудняется с поиском информации, размещенной на сайтах частных учреждений здравоохранения и НКО, работающих в области психического здоровья: соответственно 24% и 11% респондентов заявили о возможном использовании этого способа получения необходимых знаний.

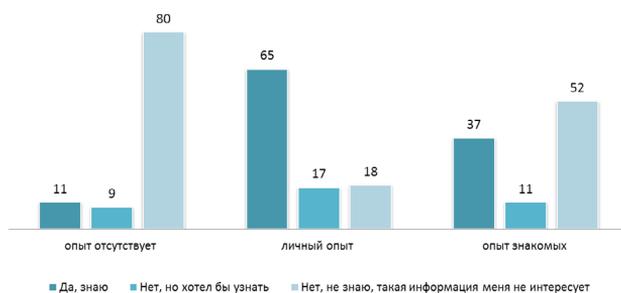

Рисунок 4 — Наличие знаний у населения в зависимости от опыта общения с людьми с расстройствами психики, %.

Figure 4 — Availability of knowledge among the population, depending on the experience of communicating with people with mental disorders, %.

Наиболее востребована информация по формам и проявлениям депрессивного расстройства и пограничного расстройства личности (35%), тревожного расстройства, в т.ч. панических атак (34%), деменции (32%). Наименее востребована информация по расстройствам пищевого поведения и шизофрении (21%).

Итак, несмотря на педалирование в СМИ проблематики психического здоровья в период пандемии, население региона в общей массе не заинтересовано в данной повестке и получении новых знаний, что способствует сохранению существующего уровня грамотности по вопросам психического здоровья и ранее сформировавшихся мнений. По этой причине обратимся к стереотипам, которые присущи населению Вологодской области.

Стереотипы в отношении людей с психическими расстройствами проявляются в виде определенного спектра чувств: жалости (40%; табл. 1), сочувствия (38%), страха (26%) и недоверия (24%). Считают, что большинство людей относится к душевнобольным без каких-то особых чувств, 28% респондентов. Кроме

того, жители области считают, что люди с психическими расстройствами могут вызывать презрение, смущение (по 15%) и даже ненависть (9%). И мужчины, и женщины выделяют в качестве основных чувств жалость и сочувствие, однако женщины более склонны к проявлению жалости (45% против 33% у мужчин) и сочувствию (43% против 32% у мужчин), но и чаще испытывают страх (29% и 21% соответственно). Пожилые люди больше склонны предполагать проявление жалости к душевнобольным (44% по сравнению с 34% среди молодежи и 38% в средних возрастных группах).

Таблица 1.

Общественное мнение о чувствах по отношению
к людям с расстройствами психики

Table 1.

Public opinion about feelings towards people with mental disorders

Чувства	Область	Пол		Возраст			Территории		
		мужской	женский	до 30 лет	30–55 (60) лет	старше 55 (60) лет	Вологда	Череповец	районы
Жалость	40	33*	45*	34**	38**	44**	49*	35*	38*
Сочувствие	38	32*	43*	36	36	41	52*	36*	32*
Страх	26	21*	29*	21	25	29	36*	14*	27*
Без особых чувств	28	34	23	34	29	24	13*	41*	29*
Недоверие	24	25	23	18	26	24	30*	17*	25*
Презрение	15	17	14	18	15	15	18**	11**	16**
Смущение	15	13	16	15	15	13	16	16	13
Ненависть	9	9	8	8	9	9	9	6	10
Интерес	7	6	7	5	7	3	10*	2*	25*
Симпатия	1	2	1	1	1	2	3	1	1

Примечание: распределение ответов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, большинство людей в нашем обществе относится к людям с психическими расстройствами?», %. * $p < 0,000$; ** $p < 0,02$.

Жители г. Вологды больше склонны приписывать другим людям чувство жалости к душевнобольным людям (49%), проявления сочувствия (52%), страха (36%), недоверия (30%) и интереса (10%). Жители г. Череповца практически отрицают наличие интереса к людям с расстройствами психики со стороны других (2%) и в целом придерживаются позиции, что душевнобольные не вызывают особых чувств (41%).

Интересно сравнить представления групп населения, различающихся по личному опыту столкновения с проблемами психики у близких людей. Если

у респондента отсутствует опыт общения с душевнобольными людьми, то он будет транслировать общественные стереотипы. Но ведь подобная информация могла и не быть ранее востребована респондентом, и скорее всего подобную картину мы наблюдаем, когда 28% жителей региона считает, что душевнобольные люди не вызывают особых чувств у большинства населения. В отсутствие личного опыта 34% респондентов предполагает, что другим людям свойственно проявлять сочувствие к людям с нарушениями психики, 37% — жалость, 23% — страх. Напротив, мнение респондентов, у которых имеется опыт общения с душевнобольными близкими людьми, отражает социальную реальность, с которой они непосредственно сталкивались. По их мнению, люди с расстройствами психики вызывают сочувствие (48% респондентов) и жалость (47%), страх (32%) и недоверие (30%).

Вне зависимости от наличия опыта общения с душевнобольными людьми жители области крайне редко выделяют позитивные чувства по отношению к последним: симпатия (1–2%) или интерес (7%). Население региона также считает, что человека с расстройством психики необходимо держать подальше от большинства людей (72%; табл. 2).

Таблица 2.

Установки населения региона в отношении людей
с психическими расстройствами

Table 2.

Attitudes of the region population towards people with mental disorders

Утверждения	Территории				Наличие опыта общения	
	Вологда	Череповец	районы	область	нет	есть
Человека с расстройством психики необходимо держать подальше от большинства людей	61	80	75	72	77	62
Человек с расстройством психики должен постоянно принимать медицинские препараты	75	89	88	85	85	85
Психические расстройства с большей вероятностью возникают у человека, если его родственники имеют подобные расстройства	68	70	54	62	60	65
Психические расстройства с большей вероятностью возникают у человека, если он часто подвергается стрессу	78	80	80	80	80	78
Люди с расстройством психики не способны контролировать свою болезнь	77	85	84	82	83	79

Примечание: распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?», %.

Выявлены территориальные различия в общественном мнении. Жители г. Вологды демонстрируют большее принятие душевнобольных людей — 38% считает, что их не надо отделять от общества. Определенные установки существуют в отношении причин и протекания заболевания. Так, 62% респондентов придерживаются мнения о большей вероятности заболеваний при наличии подобных расстройств у родственников, 79% согласны с утверждением, что постоянный стресс может вызвать психическое расстройство. Еще одной из установок является убеждение в неспособности контролировать болезнь (81%) и необходимости постоянного приема медицинских препаратов (85%).

Нежелание обращаться за помощью к специалистам объясняется распространением информации о заболевании среди знакомых (45%) и работодателей (44%), принудительном помещении в интернат или больницу (44%). Значимым фактором является недоверие как к возможностям официальной медицины (32%), так и непосредственно специалистам (25%). По мнению 19% респондентов, препятствием является и дорогостоящее лечение. Только 18% респондентов считают, что большинство людей при наличии явных признаков психического расстройства идут на прием к психиатру. Причем в убеждениях относительно проблем людей с психическим расстройством и барьеров обращения за специализированной помощью не наблюдается статистически значимых различий не только в социально-демографических группах, но и в группах с разным опытом взаимодействия с этими людьми. Исключение составляет мнение о проблемах с обеспечением необходимыми лекарствами (средний ранг без опыта — 728, с опытом общения — 796, $p = 0,001$) и о необходимости эксклюзии (средний ранг без опыта — 720, с опытом общения — 816, $p = 0,000$).

Обсуждение

Итак, выявлены следующие установки жителей области в отношении психического здоровья: отсутствие у большинства интереса к информации о психическом здоровье, а при наличии интереса — консервативность в выборе источников информации. Определены негативные стереотипы в отношении людей с психическим расстройством (необходимость держать их подальше от большинства людей) и стереотипы в отношении образа жизни и лечения людей с психическим расстройством: проблемы с постановкой диагноза и лечением, необходимость постоянного приема лекарств, низкая контролируемость ими своей болезни.

В подтверждение полученных данных проведенный ВЦИОМ социологический опрос на тему шизофрении выявил схожие негативные стереотипы в отношении окружающих к людям с нарушениями психики и барьеры обращаемости за помощью к специалистам. Однако желательность социальной эксклюзии лиц, больных шизофренией, выразило только 38% респондентов¹, что значительно меньше, чем в нашем исследовании.

¹ Шизофрения: болезненный страх : аналитический обзор // ВЦИОМ. 4 июня 2019 г. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shizofreniya-boleznenyj-strakh->

Различие регионов по уровню общественного психического здоровья, в т.ч. предэпидемическому, актуализирует изучение региональной специфики. Помимо явного дефицита социологических работ по указанной тематике, в настоящее время преобладают статьи на основании данных по московскому региону (Москва и Московская область), значительно реже и в усеченном виде — других регионов (Слепцов, Потравная, 2020). Актуальность работы тем более высока, что из разных источников поступают сведения о росте количества нарушений психического здоровья. Так, по итогам 2021 г. компания КРОС опубликовала рейтинг регионов России, основанный на данных «Национального индекса тревожностей», в котором Вологодская область входит в ТОП-10 встревоженных регионов¹. Помимо рассмотренной нами области в ТОП-10 индекса присутствуют еще три региона СЗФО: Санкт-Петербург, Архангельская область, Новгородская область. Возможно, интересно было бы рассмотреть региональные особенности конструирования социальной реальности в СМИ, приводящие к росту фобий и страхов среди населения. И, конечно, существуют различия между общественным мнением жителей столицы и населения провинциальных городов относительно психического нездоровья. Эксперты отмечают возросшую просвещенность москвичей, и особенно молодежи, в вопросах психического здоровья, их готовность обратиться к помощи специалистов². Безусловно, эта далеко не полная картина требует дальнейших научных изысканий.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило выдвинутые гипотезы. Большинство жителей считает, что психические расстройства с большей вероятностью возникают у человека, если он часто подвергается стрессу. Больше четверти населения региона имеют опыт общения и ухода за людьми с психическими расстройствами или такой опыт есть у их знакомых. Однако ни наличие опыта соприкосновения с проблемой психического нездоровья, ни воздействие факторов стресса в ходе пандемии COVID-2019 не подталкивает массово людей к получению знаний о психическом здоровье. Запрос на информацию от населения региона несущественный. При этом в местном сообществе распространены негативные стереотипы в отношении людей с психическими расстройствами, а именно необходимость их эксклюзии. Негативное отношение снижает обращаемость за специализированной помощью из-за боязни разглашения информации. Взгляды на источники информации о психических заболеваниях и методах их лечения достаточно консервативны. Население области предпочитает получать информацию из официальных профессиональных источников в виде консультаций специалистов, однако обращаться за помощью к специалистам не спешит. Сложившаяся ситуация требует более внимательного отношения к программам просвещения населения региона по вопросам психического здоровья и нездоровья.

¹ Рейтинг регионов составлен на основе оценок аудитории выявленной фобии в СМИ и в соцмедиа по каждой фобии, которые попадали в ТОП-10 «Национального индекса тревожностей» в течение 2021 г. <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/2753/>

² Психическое здоровье: интервью с Илей Плузниковым // ПостНаука. <https://postnauka.ru/tv/103052>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Драпкина О., da Graça Freitas M., Mikkelsen B., Breda J. Европейская сеть действий ВОЗ по развитию грамотности в вопросах здоровья в поддержку профилактики неинфекционных заболеваний и борьбы с ними // *Панорама общественного здравоохранения*. 2019. Т. 5, № 2–3. С. 202–205.
- Слепцов А. Н., Потравная Е. В. Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // *Социологические исследования*. 2020. № 7. С. 144–147.
- Ушаков Д. В., Юревич А. В., Нестик Т. А., Юревич М. А. Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов // *Психологический журнал*. 2020. Т. 41, № 5. С. 5–17.
- Шматова Ю. Е. Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19: тенденции, последствия, факторы и группы риска // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14, № 2. С. 201–224.
- Angermeyer M. C., Dietrich H. Public beliefs about and attitudes towards people with mental illness: A review of population studies // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2006. No. 113. Pp. 163–179. <https://doi.org/10.1111/j.1600-0447.2005.00699.x>
- Boerema A. M., Zoonen K., et al. Psychometric properties of the Dutch Depression Stigma Scale (DSS) and associations with personal and perceived stigma in a depressed and community sample // *PLoS One*. 2016. No. 11. Pp. e0160740. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0160740>
- Caruana E., Cotton S. M., Farhall J. A comparison of vocational engagement among young people with psychosis, depression and borderline personality pathology // *Community Mental Health Journal*. 2017. No. 54. Pp. 831–841. <https://doi.org/10.1007/s10597-017-0197-5>
- Corrigan P. How stigma interferes with mental health care // *American Psychologist*. 2004. Vol. 59, no. 7. Pp. 614–625. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.59.7.614>
- Furnham A., Swami V. Mental health literacy: A review of what it is and why it matters // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2018. No. 7. Pp. 240–257. <https://doi.org/10.1037/ipp0000094>
- Goldney R. D., Fisher L. J., Dal Grande E., Taylor A. W. Changes in mental health literacy about depression: South Australia, 1998 to 2004 // *Medical Journal of Australia*. 2005. No. 183. Pp. 134–137. <https://doi.org/10.5694/j.1326-5377.2005.tb06957.x>
- Griffiths K. M., Batterham P. J., Barney L., Parsons A. The Generalised Anxiety Stigma Scale (GASS): psychometric properties in a community sample // *BMC Psychiatry*. 2011. No. 11. Pp. 184. <https://doi.org/10.1186/1471-244X-11-184>
- Hansson M., Chotai J., Bodlund O. Patients' beliefs about the causes of their depression // *Journal of Affective Disorders*. 2010. No. 124. Pp. 54–59. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2009.10.032>
- Jorm A. F., Korten A. E., Jacomb P. A. et al. Mental health literacy: A survey of the public's ability to recognise mental disorders and their beliefs about the effectiveness of treatment // *Medical Journal of Australia*. 1997. No. 166. Pp. 182–186. <https://doi.org/10.5694/j.1326-5377.1997.tb140071.x>

- Samari E., Teh W.L., Roystonn K. et al. Perceived mental illness stigma among family and friends of young people with depression and its role in help-seeking: a qualitative inquiry // *BMC Psychiatry*. 2022. Vol. 22, No. 1. pP. 107–113. <https://doi.org/10.1186/s12888-022-03754-0>
- Tan G., Shahwan S., Goh C., et al. Mental illness stigma's reasons and determinants (MISReaD) among Singapore's lay public—a qualitative inquiry // *BMC Psychiatry*. 2020. Vol. 20, No. 1. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02823-6>
- Wetterlin F. M., Mar M. Y., et al. Mental Health Experiences and Expectations: A Survey of Youths' Web-Based Resource Preferences in Canada // *Journal of Medical Internet Research*. 2014. Vol. 16, No. 12. P. e293. <https://doi.org/10.2196/jmir.3526>
- Wickstead R., Furnham A. Comparing Mental Health Literacy and Physical Health Literacy: An Exploratory Study // *Journal of Mental Health*. 2017. No. 26. Pp. 449–456. <https://doi.org/10.1080/09638237.2017.1294743>
- Wright A., Jorm A. F., Harris M. G., McGorry P. D. What's in a name: Is accurate recognition and labelling of mental disorders by young people associated with better help-seeking and treatment preferences? // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2007. No. 42. Pp. 244–250. <https://doi.org/10.1007/s00127-006-0156-x>

REFERENCES

- Drapkina, O., da Graça Freitas, M., Mikkelsen, B., & Breda, J. (2019). WHO European Action Network for Health Literacy in Support of Noncommunicable Disease Prevention and Control. *Panorama of public health*, 5(2–3), 202–205. (In Russ.).
- Sleptsov, A. N., Potravnaya, E. V. (2020). Impact of the Coronavirus Pandemic on the Life of Arctic Regions in Population Estimates. *Sociological research*, 7, 144–147. (In Russ.).
- Ushakov, D., Yurevich, A., Nestik, T., & Yurevitch, M. (2020). Socio-psychological aspects of the covid-19 pandemic: results of an expert survey of russian psychologists. *Psychological magazine*, 41(5), 5–17. (In Russ.).
- Shmatova, Yu. E. (2021). Mental health of population in the COVID-19 pandemic: trends, consequences, factors, and risk groups. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 201–224. (In Russ.).
- Angermeyer, M. C., & Dietrich, H. (2006). Public beliefs about and attitudes towards people with mental illness: A review of population studies. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 113, 163–179. doi:10.1111/j.1600-0447.2005.00699.x
- Boerema, A. M., Zoonen, K. et al. (2016). Psychometric properties of the Dutch Depression Stigma Scale (DSS) and associations with personal and perceived stigma in a depressed and community sample. *PLoS One*, 11, e0160740. doi: 10.1371/journal.pone.0160740
- Caruana, E., Cotton, S. M., & Farhall, J. (2017). A comparison of vocational engagement among young people with psychosis, depression and borderline personality pathology. *Community Mental Health Journal*, 54, 831–841. doi:10.1007/s10597-017-0197-5
- Corrigan, P. (2004). How stigma interferes with mental health care. *American Psychologist*, 59(7), 614–625. doi:10.1037/0003-066X.59.7.614
- Furnham, A., & Swami, V. (2018). Mental health literacy: A review of what it is and why

it matters. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, 7, 240–257. doi:10.1037/ipp0000094

Goldney, R. D., Fisher, L. J., Dal Grande, E., & Taylor, A. W. (2005). Changes in mental health literacy about depression: South Australia, 1998 to 2004. *Medical Journal of Australia*, 183, 134–137. doi:10.5694/j.1326-5377.2005.tb06957.x

Griffiths, K. M., Batterham, P. J., Barney, L., & Parsons, A. (2011). The Generalised Anxiety Stigma Scale (GASS): psychometric properties in a community sample. *BMC Psychiatry*, 11, 184. doi:10.1186/1471-244X-11-184

Hansson, M., Chotai, J., Bodlund, O. (2010). Patients' beliefs about the causes of their depression. *Journal of Affective Disorders*, 124, 54–59. doi:10.1016/j.jad.2009.10.032

Jorm, A. F., Korten, A. E., Jacomb, P. A. et al. (1997). Mental health literacy: A survey of the public's ability to recognise mental disorders and their beliefs about the effectiveness of treatment. *Medical Journal of Australia*, 166, 182–186. doi:10.5694/j.1326-5377.1997.tb140071.x

Samari, E., The, W. L., Roystonn, K., et al. (2022). Perceived mental illness stigma among family and friends of young people with depression and its role in help-seeking: a qualitative inquiry. *BMC Psychiatry*, 22(1), 107. doi: 10.1186/s12888-022-03754-0

Tan, G., Shahwan, S., Goh, C., et al. (2020). Mental illness stigma's reasons and determinants (MISReaD) among Singapore's lay public—a qualitative inquiry. *BMC Psychiatry*, 20(1), 1–13. doi:10.1186/s12888-020-02823-6

Wetterlin, F. M., Mar, M. Y., Neilson, E. K., et al. (2014). Mental Health Experiences and Expectations: A Survey of Youths' Web-Based Resource Preferences in Canada. *Journal of Medical Internet Research*, 16(12), e293. doi: 10.2196/jmir.3526

Wickstead, R., Furnham, A. (2017). Comparing Mental Health Literacy and Physical Health Literacy: An Exploratory Study. *Journal of Mental Health*, 26, 449–456. doi:10.1080/09638237.2017.1294743

Wright, A., Jorm, A. F., Harris, M. G., McGorry, P. D. (2007). What's in a name: Is accurate recognition and labelling of mental disorders by young people associated with better help-seeking and treatment preferences? *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 42, 244–250. doi:10.1007/s00127-006-0156-x

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Олеговна Смолева — старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра Российской академии наук, г. Вологда, Россия.

Elena O. Smoleva — Senior Research Associate at the Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.08.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 28.08.2022.

The article was submitted 16.08.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 28.08.2022.